

ЗАЩИТА ОТ ВНЕШНИХ УГРОЗ

Дорогие мои читатели! Многих героев книги «Легендарные разведчики-3» мне выпало счастье знать лично.

Со скепсисом отношусь к разного рода юбилеям. Не мое это — подгонять подвиги под даты. Но не под эту. 20 декабря 1920 года была создана советская внешняя разведка — ИНО, потом переименованная в Первое главное управление. В новой России — это Служба внешней разведки.

Хотим мы того или не очень, однако все мы с ней связаны, возможно, и не подозревая об этом. Именно внешняя разведка тихо, неброско, без шума во многом обеспечивает безопасность страны, где мы проживаем. Это она защищает Россию и нас от внешних угроз. А они, тут и убеждать никого не надо, никуда не исчезли.

Когда за «Легендарными разведчиками-1» последовали благожелательно принятые вами «Легендарные-2», был не уверен, последует ли продолжение. Не потому, что иссяк запас настоящих героев разведки. Их — немало, но, как и положено, многие еще не раскрыты.

А хотелось рассказать о славных и героических людях. Незаметных, терпеливых, преданных, мужественных, очень рискованных. Со всеми, без единого исключения, общаться приятно, радостно. Порой приходит невольное ощущение: они выше, чище, образованнее. До героев разведки мне, нам еще тянуться и тянуться.

Открывает занавес старейший чекист России Борис Игнатьевич Гудзь — это самые истоки, времена Феликса Дзержинского, Артура Артузова, организация и становление предтечи внешней разведки — ИНО. А при начальнике разведки военных лет Павле Михайловиче Фитине наша разведка знала все. Вот только имя и дела Фитина по разным причинам подзабылись. Что же, давайте обязательно вспомним.

О многих соратниках Абеля—Фишера, Вартаняна, Филби ... известно не просто немного, а мало, совсем мало. И директор Службы внешней разведки Сергей Евгеньевич Нарышкин понял это и в начале 2020 года, сняв гриф секретности, раскрыл имена нескольких наших выдающихся разведчиков.

С изумлением понял: с некоторыми из них уже знаком, о других слышал от их близких. Готовя десять лет назад книгу о первом Герое Советского Союза среди разведчиков-нелегалов Геворке Андреевиче Вартаняне, встречался с его соратником — полковником Юрием Шевченко. Он много чего поведал о Вартаняне и о себе. Горжусь, что присутствовал на торжестве, когда Юрию Анатольевичу, пусть и вдали от наших глаз, президент Владимир Путин вручал Звезду Героя. И теперь в «Легендарных разведчиках-3» о Юрии Анатольевиче Шевченко можно рассказать гораздо подробнее.

Тогда же состоялся разговор с Героем Советского Союза нелегалом Михаилом Анатольевичем Васенковым. Это интервью, полагаю, в силу разных причин единственное, которое дал в своей жизни Васенков, предлагается вашему вниманию.

Еще до этого судьба свела с полковником-нелегалом Тамарой Ивановной (фамилии не знал), которая рассказывала о своем учителе — знаменитой разведчице Африке де лас Эрас. Упомянула полковник — без особых подробностей — о муже, вместе с которым на десятилетия ушла в разведку. Теперь имя генерала, Героя России Виталия Вячеславовича Нетыксы рассекречено. И рассказ не просто полковника-нелегала Тамары Ивановны, а Тамары Ивановны Нетыкса кажется мне настоящим признанием в любви к недавно ушедшему из жизни мужу-Герою.

Как переживала во время наших прежних встреч еще один полковник Людмила Ивановна Нуйкина, что не может раскрыть имя мужа-нелегала, к сожалению, скончавшегося. А в этой книге Виталий Алексеевич Нуйкин и его славные дела представлены относительно подробно.

Не считите нескромным, но именно в «Легендарных разведчиках-3» в первый раз приведено имя Владимира Горового. Вряд ли оно, суперзасекреченное, вам встречалось. Мы познакомились и случайно, и не случайно: выступали перед школьниками, кадетами. И только тогда до меня дошло: а ведь Владимир Ильич Горовой — это первый среди всех разведчиков Герой Советского Союза послевоенной

эпохи. Глава, скорее главка о нем, небольшая. Зато открытие Героя все-таки произошло.

Но это далеко не все тайны, раскрытые в «Легендарных разведчиках-3». Мы уж точно первыми за послевоенные 75 лет сможем заглянуть в один из томов личного дела Кима Филби и перелистать несколько страниц. По распоряжению директора СВР с десятка документов «Топ секрет», добытых великим Филби, снят гриф секретности. Теперь они перед вами.

Впервые познакомитесь с биографией сержанта Бориса Иванова из Вологды, который еще в начале войны полностью обставил абвер в радиоигре «Хозяин», а потом вырос до первого заместителя начальника всей отечественной внешней разведки. Решился рассказать о старом знакомом, тогдашнем дуайене внешней разведки генерал-лейтенанте Вадиме Алексеевиче Кирпиченко. Именно он был наставником первого директора Службы внешней разведки академика Евгения Максимовича Примакова. А еще дружил, что не менее важно, с президентом Египта Гамалем Абдель Насером и со многими лидерами стран Ближнего Востока.

За те почти три десятилетия, что пишу о разведке, мне была предоставлена честь общения со многими ее героями. Среди них Виталий Коротков и Георгий Санников. Обоим — за 90. Виталий Викторович, которого считаю кладзем знаний, помог понять, кто же такая на самом деле Ольга Чехова — родственница великого Чехова, киноактриса рейха, любимица Гитлера. И к тому же наша разведчица? Или нет? А Георгий Захарович, хотя в наши 2020-е годы в это сложно поверить, гонялся еще после войны за бандеровцами. Их ловили, перевербовывали, обращали в нашу веру или уничтожали — рассказ очень жесткий, самокритичный — оттого и ценный.

Разведка немыслима без помощи друзей. Мне посчастливилось в течение нескольких лет находиться в контакте с генералом Маркусом Вольфом. Он человек везучий, и я наудачу носил в своем кошельке визитную карточку генерала с написанными им от руки номером мобильного телефона и электронным адресом. Созданная Вольфом Служба внешней разведки ГДР считалась лучшей, или одной из лучших, в мире. В главе о Маркусе — и он, и целая галерея его феноменальных агентов. Кроме одного — «Топаза», самого ценного, о котором, как уверял меня Вольф, время говорить еще не пришло. Однако время идет и летит. Недавно «Топаз» приезжал в Москву. И искренне надеюсь, что наша

долгая и откровеннейшая беседа с разведчиком Райнером Руппом, он же «Топаз», и его женой, оперативный псевдоним «Бирюза», не останется вами незамеченной.

И для меня самого удивительно, но уж так получилось, что был лично знаком с двумя шпионами, против нас работавшими. Шотландец Фицрой Маклин, прототип агента 007 Джеймса Бонда, начинал еще в середине 1930-х годов под дипломатическим прикрытием и продолжал аж до середины 1990-х. Волею обстоятельств пригласил меня сначала в шотландское Глазго, а потом и в свое поместье. А вот другой человек, с которым я около пяти лет трудился во Франции, не приглашал никуда. Мы сидели с ним рядом на посольских собраниях, оба были заядлыми теннисистами, но я и предположить не мог, что он — завербованный английский агент, который на моих глазах, сбежав из Парижа, предал всех, кого только мог. Как это произошло? Прочитаете и узнаете.

Разведка немыслима без мифов. И в заключительной главе я пытаюсь разъяснить, что здесь ложь, вымысел, а что — правда. Помогает в этом дочь писателя Юлиана Семенова, которого без сомнения признаю отцом-основателем целого литературного направления, к которому и себя причисляю.

Благодарю вас, мои дорогие читатели, за внимание к книге, за интерес к разведке, вступающей во второй век своей славной, сложной, порой непредсказуемой истории. Счастлив, что мы по-прежнему вместе. Кто знает, быть может, нам еще предстоят новые встречи и новые открытия?

*Ваш Николай Долгополов,
дважды лауреат литературной премии
Службы внешней разведки*

СТАРЕЙШИЙ ЧЕКИСТ РОССИИ: БОРИС ИГНАТЬЕВИЧ ГУДЗЬ

Бригадный комиссар ЧК Борис Гудзь скончался в 2006-м на 105-м году жизни.

Мы познакомились с ним за два дня до его столетия. Пришел в ЧК в 1923-м. Участвовал в знаменитой операции «Трест», когда чекисты, создав мифическую подпольную организацию монархистов, семь лет дурачили лютых врагов из эмиграции, которые в результате фактически прекратили диверсионную работу против СССР. Под фамилией Гинце возглавлял легальную резидентуру в Токио. Вернувшись домой, больше года координировал работу группы Рихарда Зорге — «Рамзая» в Японии.

Уволенный из ЧК в 1938 году «за связь с врагами», он чудом избежал ареста. И сразу пересел за руль автобуса, возившего народ по маршруту Белорусский вокзал — Черемушки.

Его не пощадили, а забыли. И лишь в конце 1960-х вспомнили, «простив» несуществующие грехи. Для начала пригласили консультантом четырехсерийного фильма «Операция “Трест”», ставшего одним из пионеров советских телевизионных сериалов. Борис Игнатъевич даже сыграл крошечную роль — молодого чекиста Борю Гудзя.

Потом стали приглашать на Лубянку, внешняя разведка выделила ему заботливого помощника, который до сих пор вспоминает, как ему повезло и сколько от Бориса Игнатъевича он всего услышал.

Гудзь был последней инстанцией и ставил точку в возникавших спорах по поводу давних исторических событий, почти все участники которых или были уничтожены ежовским молохом, или уже ушли. А он, когда было ему уже за 100, в третий раз женился и на 103-м году катался на лыжах, спрашивая у меня, брать ли в санаторий свои, скоростные динамовские, или бегать на убогих санаторных.

Не уставал от моих бесконечных вопросов. Третья жена, Татьяна Демьяновна, степенная и очень спокойная женщина лет семидесяти, смотрела на меня порой с укоризной. Гудзь тихонько признавался: «Все время повторяет: Борис Игнатьевич, давайте заканчивайте эти дела. Я ей: а жить как? Чтобы жить, надо работать. И потом, эта работа придает мне на второй сотне лет жизненную энергию. Я должен работать».

Наверное, была в этом и еще одна причина наших постоянных встреч, его абсолютной безотказности. Жил Гудзь не небогато, а бедно. И эта бедность коробила меня. Видя, как подается чай с простеньким дешевым печеньем, я предложил делить гонорар за наши совместные публикации поровну. Бригадный комиссар согласился. Все было по-честному: порой без него мне было невозможно разобраться в некоторых чекистских хитросплетениях 1920-х годов.

Операция «Трест», одним из участников которой был Гудзь, потрясала и запутывала обилием имен и оперативных псевдонимов, к тому же постоянно меняющихся. И почему в начале оперативной игры с нашей стороны было так много поляков? Гудзь спокойно объяснял: а кем был Дзержинский? Он успел скорее даже не перевербовать — обратиться в свою пролетарскую веру многих соотечественников, поначалу сражавшихся на другой стороне. Чрезвычайке были нужны, и очень срочно, профессионалы. Усилий и, главное, познаний своих сотрудников, только-только осваивающих работу контрразведчиков и разведчиков, явно не хватало. А польские товарищи приходили на Лубянку с одной фамилией, потом меняли ее на вторую, иногда и третью. Порой казалось, что Борис Игнатьевич ошибается в именах: да, сначала был Кияковский, потом почему-то ставший Стецкевичем. Я переспрашивал, он терпеливо объяснял. И чтобы мне окончательно не запутаться в этом лабиринте, Гудзь без всяких лишних просьб вычертил разноцветными карандашами несколько таблиц с линиями, как он говорил, всех действующих лиц «Треста». И еще посоветовал поменьше читать «нынешних авторов, пишущих об этой операции и берущих материалы с неба».

Уже после смерти Бориса Игнатьевича мне попала статья серьезного историка, полковника отставника, в которой тот жестко критиковал своего собеседника Гудзя за то, что он брал деньги за консультации. Стало обидно за них обоих. У беспощадного полковника была своя честно заслуженная военная пенсия: если разок и заплатил, то на-

верняка на бедном старике не разорился. Гудзь в свои под 100, а потом и за 100 лет боролся за правду и раскрывал ее. В этом возрасте трудиться ему было наверняка сложнее, чем военному писателю-моралисту. Знаю это, потому что в конце первого года нашего с Борисом Игнатьевичем сотрудничества он обратился ко мне с честной просьбой: не всегда успеваешь за моими вопросами, нельзя ли оставлять их у него за несколько дней до беседы, чтобы он мог лучше подготовиться. Что скажешь, настоящий профессионал.

Мы проработали с Борисом Игнатьевичем — он, истый чекист, предпочитал трудиться в поздние вечера — четыре года. Я, типичный жаворонок, уезжал от него на последнем поезде метро со станции «Спортивная», а встречавшая дома жена передавала: звонил Гудзь, просил перезвонить. И он мне разъяснял, проверял и перепроверял.

Многое сделав, мы многое не успели. Взялись было за книгу о Менжинском. Гудзь хотел издать новую, честную биографию преемника Дзержинского, но... Не публиковать же мне пару написанных вместе и вчерне глав, раскрывающих наши современные широко закрытые глаза. Это было бы как-то нечестно.

На похороны Гудзя в самом конце декабря 2006 года, которые прошли там, где хоронят многих чекистов, собрались десять человек, считая нас с писателем Теодором Гладковым. Зато все мы услышали прощальный залп почетного караула в честь бригадного комиссара.

Стараясь не изменять манеру повествования Гудзя, приведу лишь несколько эпизодов, рассказанных Борисом Игнатьевичем в откровенной трактовке и от первого лица. Записывал все наши многочасовые беседы на диктофон. К некоторым из них я подступился лишь в январе 2020-го.

А начали мы, понятно, с классической операции ЧК под названием «Трест». Слово Борису Игнатьевичу Гудзю.

«Трест» — хрестоматия разведки

Чекисты семь лет морочили голову верхушке белой эмиграции, создав в СССР подставную монархическую организацию. Думаю, я единственный участник операции «Трест», доживший до XXI века. Помощником Дзержинского, что мне некоторые приписывают, я никогда не был. Но помню детали, которые, возможно, не знал никто.

Вообще вся операция началась с Якушева — бывше-

го статского советника, специалиста, работавшего на советскую власть, однако скептически к ней относящегося. Скептически — не больше. И чекистам во главе с Артузовым удалось даже не перевербовать, а привлечь его на нашу сторону. Доказать, что все в прошлом, возврата к монархии нет и быть не может. А вот подставную монархическую организацию создать надо, чтобы не дать разгореться новым страстям, предотвратить террористические акты со стороны белой эмиграции. Так что в какой-то мере спасти и ее, ибо белый террор обречен на поражение, а чем ответят на это красные, вам, гражданин Якушев, объяснять не надо. И Артузов попал в точку.

Потом включился в операцию «Трест» наш сотрудник Стецкевич. Мелькнул и исчез. Но возник Стырна. И вошел в операцию одним из главных действующих лиц. Окончил классическую гимназию. Был студентом естественного факультета Московского университета: может, прошел курс-другой. Прекрасно знал литературу. Участвовал в школьных спектаклях. Тоже имеет значение: Артузов, Якушев, Стырна — все играли в юности в любительских театральных постановках. Были они немножко и артисты.

Я и со Стырной был хорошо знаком. Нас свел Артузов. Но первый раз показался я ему слишком молодым, посчитал, что рано мне, мальчишке, в ЧК. А немного попозже, через несколько лет, все сошлось.

Александр Александрович Якушев приходил к Стырне домой. Жил тот в паршивеньком домишке в две комнаты. Домик уж давно как снесли. Квартира в отдельных эпизодах операции «Трест» превращалась в явочную. А в ней, кроме шкафа с книгами, ничего и не было: стол, кровать, три стула. Здесь же жила старушка-бабушка — мать его жены, Александры Ивановны, нашей сотрудницы, работавшей машинисткой в Особом отделе КРО. Домик был как бы семейным. Понимаете, возникли среди чекистов, вовлеченных в операцию «Трест», свои отношения. Помимо прочего, ходили мы все в один кружок по изучению марксизма-ленинизма.

И были все мы молоды. Стырне, когда вступил в операцию «Трест», исполнилось 26 лет. И в этом возрасте он руководит 47-летним действительным статским советником Якушевым. И тот, бывший генерал, его слушает, в разговоре с Артузовым хорошо отзываясь: «Умный и культурный молодой человек. Настоящий интеллигент». И от себя добавлю: стойкий, выдержанный, говорит прекрасно.

Стырна в Первой мировой войне не участвовал. Вроде и опыта военного никакого, а как себя проявил в разведке! Какое соотношение возраста: в СССР совсем молодые люди, а на той стороне опытные, столько всего прошедшие и испытывавшие боевые белые офицеры. Наши учились, развивались очень быстро. Перенимали, если требовалось, манеру поведения, стиль белых, набирались знаний. И как работали молодые чекисты, воспринявшие уроки Дзержинского, если вся эта публика, за кордоном собравшаяся, им поверила!

Инициатор операции Артузов чуть не с отличием окончил петербургский Политехнический институт, был совершенно сформировавшимся высококласным инженером. Учился на кафедре металлургии профессора Грум-Гржимайло — известнейший человек, он сразу предложил Артузову остаться в институте, подобрал для любимого ученика должность конструктора по металлургии. Послал его на практику на уральские заводы. И Артур Христианович уже во второй половине 1930-х откровенно горевал: почему я не занялся тогда любимым делом? Артузов был исключительно скромным человеком. И самокритичным. Ошибок своих не скрывал даже от молодых, которые еще только учились у него работать.

Был Артузов-Фраучи гражданином России и одновременно Швейцарии. Я думаю, сознательно не сдал в посольство свой паспорт. Предчувствовал, что пригодится. Не хотел, чтобы его настоящая фамилия Фраучи светилась в новой России. И наши российские разведчики под фамилией Фраучи работали за рубежом с его настоящим швейцарским паспортом.

Артузов, Стырна — интеллектуалы. Потому Стырну в наступившие тяжелые годы чисток потихоньку отстранили, и перестал он быть помощником начальника контрразведки. Назначили куда-то на Урал. Перевели в Иваново. С бандитизмом бороться ему было сложно. Не та хватка. Он же не оперативник, а разведчик.

Судьба Стырны — трагична, его, как и Артузова, расстреляли. Жена Стырны Александра Ивановна умерла в тюрьме. Сын их приемный был человечком неполноценным. Тогда чекисты, ответственные работники брали из приютов, детских домов приемышей. И Стырна взял мальчика, бурята по национальности. Парень был неудачным. Воспитанию не поддавался, хотя и поступил в авиационный техникум. Что с ним стало после смерти родителей — неизвестно. Вот как сложилась судьба.

А Якушева забрали раньше всех, еще в 1934-м. Обвинили черт-те в чем, дали десять лет. После тюрьмы отправили «шпиона» в лагерь, где бедный Александр Александрович протянул три года. И молодые умирали от мучений, от несправедливости, от голода. Как там ему приходилось, ответственному работнику наркомата и нашему верному помощнику? Якушев скончался в возрасте шестидесяти лет в феврале 1937 года. Я узнавал потом причину смерти. В деле написано: инфаркт. Может и так. Осталось у него трое детей. Конечно, реабилитировали Якушева, хотя и поздно, уже после XX съезда.

Один из немногих основных участников операции «Трест», избежавший гонений, ареста и казни, это генерал-квартирмейстер царской армии и генерал-лейтенант Рабоче-крестьянской Красной армии Николай Михайлович Потапов. Не все знают, что до революции разведка как раз и относилась к квартирмейстерской службе. Так что включение в операцию генерала, добровольно перешедшего на сторону революции еще в 1917 году, вполне логично. Использовали Потапова нечасто, в основном в крупных мероприятиях, когда надо было показать пробравшимся в СССР (с нашей помощью) белым офицерам, что верхушка РККА только и ждет свержения советской власти. И Потапов с его еще той, гвардейской, выправкой, благородными манерами с ролью военного руководителя Монархистской организации справлялся прекрасно. Как было ему не поверить. Потапов дожил до 1946 года, скончался в Москве и был с воинскими почестями похоронен на Новодевичьем кладбище.

Теперь о противниках. Был такой агент Опперпут. Получал от нас деньги, но небольшие, для шикарной жизни, которую он вел, ясно, не хватало. Была у него крыша: он — нэпман.

Я ему еще в 1923 году передавал доллары — из рук в руки. Заглядывал к нему несколько раз на старую квартиру в Серебряном переулке, а он весь такой льстивый, услужливый, заискивающий. Человек для меня неприятный, дел с ним иметь не хотелось. Спрашивал: «Расписки не надо?» Никаких расписок я с него не брал. Давал что-то долларов 200. Другой бы поблагодарил — и все. А этот чуть не сгибался в поклоне. Было ему 32 года. Успел повоевать в мировую — опытный вояка.

И когда проверять «Трест» были посланы из Парижа Мария Захарченко-Шульц и ее муж капитан Георгий Рад-

кевич, мы этого Опперпута активно использовали. Захарченко с мужем нелегально перешли польскую границу — и сразу к нам. Надо было где-то парочку селить, якобы укрывать.

Мы их убедили: нельзя вас держать в одном месте — конспирация. И оказались они в отрыве друг от друга. Так что советоваться, обсуждать ситуацию сложно. А чтобы было еще сложнее, Захарченко то и дело постоянно перевозили с квартиры Опперпута на конспиративную дачу.

Почему я в курсе этих деталей? Потому что Владимир Андреевич Стырна привлек к работе в «Тресте» жену своего ближайшего друга по гимназии — Марию Ивановну К., которую я прекрасно знал. А ее мужа Стырна превратил в хозяина явочной дачи, на которой трестовики-чекисты позже тайно принимали Сиднея Рейли и устраивали в честь шпиона банкет. Мария Ивановна из дворянской семьи, училась, если память не изменяет, в Институте благородных девиц. Но была человеком глубоко советским. И Стырна придумал ей легенду: она контрреволюционерка, опекает и охраняет Марию Захарченко-Шульц, чтобы не сделала посланница руководителя Русского общевойскового союза (РОВС) Кутепова какого-то неловкого шага, не провалилась. Ведь та ничего о жизни в СССР не знала, как держаться в нашей среде, представления не имела. И К. должна была приучать гостью к обстановке.

Когда Шульц находилась в Москве, то жила в квартире Опперпута. Сблизились. Рядом жена и маленькая дочка хозяина. Но ни Марию, у которой брак с Радкевичем был третьим, ни Опперпута это никак не смущало. А Опперпут — невероятный хам. Жена у него, как прислуга, стирала Захарченко белье. А он при супруге этой Марии чуть ноги не мыл.

К. возмущалась: «Какой подлец! Насквозь подлец!» Стырна доложил Артузову. Очень уж гнилой человечешко. А если об измене Захарченко узнает Радкевич? И как повернется, если узнает? А Артур Христианович: «Вижу, что подлец. Но он наш агент. Черт с ним и с его подлостью. Он нам пользу приносит». Так что К. со своим женским чутьем лучше кого бы то ни было уловила подлинный характер этого мерзкого человека.

Сначала Захарченко пыталась диктовать свои условия. Ведь «Тресту» нужны деньги. Однако их получение из-за границы возможно лишь с оживлением работы организации, ее активной деятельности, которая мыслилась не ина-

че как только путем террора. Да и сам террор у них, у белых, является наилучшим способом получения денег.

А Якушев Александр Александрович все время одергивал: «Вы нам сорвете всю работу этим вашим террором. Не надо никакого террора. Потому что это — насилие. И за ним аресты, расстрелы заложников. Черт знает что! Вы что, шутите?» Захарченко не сдавалась, все время жала, настаивала: террор, только террор. Установка у нее была простая: «Это подымет настроение наших здесь и за границей».

И тогда, как впоследствии рассказывал на лекции на курсах ГПУ Артузов, «комедию решили разыграть мы». Непростая комбинация: как будто бы создано течение, стоявшее за террор. Во главе поставили Опперпута. Он и Захарченко — «за», Якушев и другие солидные люди — «против». В заграничных кругах пошли споры — приниматься за террор или не приниматься.

А мы Марию посадили на рынок, где у нэпмана Опперпута своя палатка. Там, как внушили Захарченко, явка. Действительно, приходили к ней изредка люди с Лубянки, что-то передавали. А вместо террора она торговала чайниками, кастрюльками. На долгий период сторонницу террора из игры вывели.

Захарченко была противником идейным. Это вам не Опперпут. Еще в 1926-м повторяла: «В “Трест” я вложила все свои силы. Если это оборвется — жить не буду». И не лгала.

Изредка выбиралась, с нами посоветовавшись, из СССР в Париж, потом, доложив там обстановку, возвращалась. Все эти переходы границы — под контролем, в Петербурге местное ГПУ обязательно в курсе всех ее перемещений. Через Станислава Адамовича Мессинга, руководителя петербургской ЧК, и его заместителя Шарова нашли пограничника Тойво Вяхи. Тот по приказу начальства, зная, какую опасность Захарченко представляет, переводил ее через границу. Иногда, чтоб показать, как трудно к нам пробраться, бедняга Вяхи эту Захарченко на спине своей таскал. Хорошо хоть дамочка была нетяжелая. Достоверность разыгрывалась полная. В Петербурге работали хорошо. Шаров, правда, грубоват, а Мессинг — умница, потом стал зампреда всей ЧК, курировал иностранную разведку. Да, и его расстреляли. Якобы он участвовал в группировке, выступавшей против Ягоды.

В эмиграции в «Трест» по-прежнему верили. Но весной 1927 года Опперпут ушел. И как. Раньше, несмотря на не-

однократные просьбы, этого агента мы за границу не пу-
скали. В этот период Артузов, безмерно занятый, немного
отошел от руководства операцией «Трест». Был еще Оль-
ский, один из руководителей КРО, тоже причастный к опе-
рации, но и его на месте не было. Куда-то отлучился. По-
нимаете? Это говорит о нашей слабости. Народу не хватало.
Большое сложное дело шло успешно. И какая ерунда: Арту-
зов в командировке, Ольского тоже нет на месте. Это назы-
вается потерей головы. Такое бывает с каждым, даже опыт-
ным человеком. Случилось и с Артузовым.

Опперпут решил действовать через нашего сотрудника
Федулеева, который жил в общежитии чекистов. Пришел к
нему, настаивал на встрече с Артузовым. Тот объясняет, что
Артур Христианович не может, у него другие дела. Мно-
го дел. Но Опперпут требовал, чтоб Артузов его принял
по сложнейшему вопросу. И Артузов перед своим отъез-
дом в командировку Опперпута принял, наверное, на кон-
спиративке.

Потом Артузов рассказывал на лекции: «Зная, что в си-
лу разных обстоятельств я остался один, Опперпут завел
разговор о терроре. Он выдумал некую финскую террори-
стическую группу. Уверял, что нашупал ее в Петербурге,
куда и едет Захарченко для перехода границы для встречи с
Кутеповым. Просил разрешения поехать вместе с ней, про-
водить, конечно, не до границы, а до вокзала. И потом по-
работать по финской террористической группе. И здесь я
дал маху, согласившись на поездку Опперпута в Ленинград
с Захарченко-Шульц. Там Опперпут сыграл на своей люб-
ви к ней. “Профессор” (видимо, пограничник Тойво Вя-
хи. — *Н. Д.*) имел инструкцию на переправку только одной
Шульц, а об Опперпуте заданий никаких не имел. Чтобы бе-
жать, Опперпут предложил свои услуги для помощи Шульц
при переходе границы. Просьбу поддержала Шульц, кото-
рой Опперпут еще по дороге в Ленинград сознался в своей
работе на ГПУ. Ни за кордоном, ни на границе он от нас
никогда не бывал. Подлец, а человек решительный. Подой-
дя на границе к проволочному ограждению, помог Захар-
ченко перетащить чемоданы. И вдруг перепрыгнул через
проволоку и ходу. “Профессор”, имея инструкцию о пере-
ходе только одной Шульц, погнался за Опперпутом, но бы-
ло поздно. Представьте мою досаду, когда я получил теле-
фонный разговор Мессинга о бегстве Опперпута.

А через день приходит телеграмма от Стырны. Смысл
такой. У посла Эстонии в России Бирка был родственник,

кажется, племянник — тоже Бирк, работавший в Москве в посольстве. Мы его завербовали. Он уехал за границу, но продолжал работать на нас. Стырна как раз выехал на встречу с ним и узнал от того, что Опперпут занял у посла Эстонии 20 тысяч рублей».

Перед бегством Опперпут написал жене записку: «Я ухожу. Ты еще узнаешь, какого я размера авантюрист». Украл у нее, бедной, единственную ценность — какое-то жалкое колечко. И эта расписка попала к нам. А судьба его жены неизвестна. Я ее искал и не нашел. Столько страшных событий и перемен: чистки, 1941 год, война, было уже не до этого. У меня есть фотокарточка их маленькой дочки — что с ней стало, тоже неизвестно. Думаю, они где-то остались, прижились.

Вспоминаю об Опперпуте с омерзением. С момента передачи известных ему данных о «Тресте» операция провалилась. У меня и заявление его, в западных газетах напечатанное, сохранилось. Послушайте: «Организация “Трест” является характерной легендой так называемой мнимой антисоветской организации, созданной контрразведывательным отделом ОГПУ. Создана в январе 1922 года сотрудником Кияковским, возглавлялась помощником начальника контрразведывательного отдела Владимиром Андреевичем Стырной под фамилией Василий Владимирович Козлов. Фамилия Кияковского — Стецкевич. Секретным сотрудником КРО являлся Лонговой, выполнял роль под фамилией Денисова. Лонговой вел группу так называемых евразийцев».

Поясню о евразийцах. Их группа якобы действовала в составе «Треста». В некотором смысле представляла собой левое течение, которое признавало даже возможное использование советского аппарата в монархических интересах. После этого первого короткого сообщения Опперпут составил подробнейший доклад.

Вот так после семи лет «Трест» лопнул. Дзержинского уже не было — умер. И поставленный ему на смену Менжинский, и Артузов переживали: что скажет Сталин? Он об операции, конечно, знал. Читал перехваченные письма, изучал документы. Мог в своем стиле и пригвоздить: «Лопухи! Мы создали “Трест”, мы дурим голову Кутепову... А ваш сбежавший на Запад агент — провокатор и сволочь».

Доложили Сталину о провале. Боялись, а он вдруг: «Ну и хорошо. Хватит. Так вы раздули операцию, что за границей идут слухи — еще две недели и советская власть дер-

жится на нитке, прямо сейчас рухнет». И тут он был прав. За эти годы так все расплозлось, покатались по миру такие слухи, что капиталисты отказывались заключать с советским правительством договора. Скоро большевикам — конец.

Ягода с давних пор третировал Артузова по ряду причин. Рассказывать об этом слишком сложно. Сразу же после «Треста» Артур Христианович получил «на вид» — единственное партийное взыскание за всю жизнь с формулировкой «упустил врага народа, который убежал». Не самое большое партийное взыскание: было же столько заслуг.

Допустил ошибку — и наказание по службе: Ягода освободил его от должности начальника контрразведки и сделал помощником начальника секретно-оперативного управления. Это — явное понижение.

Артузов моей семье, мне — человек дорогой, мы состояли пусть и в дальних, но родственных отношениях. И в ЧК меня, мальчишку, пригласил он. Мой самый большой оклад — 150 рублей, а сапоги генеральские стоили 40. И еще мы паек получали. Но не сказал бы, что мы, чекисты, жили лучше, чем строевые командиры. Что важно, так это паек. И чтобы вы поняли, есть тут одна история.

Артур Христианович Артузов, будучи особо уполномоченным Особого отдела, в 1919 году у нас бывал. И уговорил мою маму пойти заведующей столовой Особого отдела. Убеждал: «Антонина Эдуардовна, соглашайтесь. Повар наш — по-моему, жулик. Жиры каким-то образом вытаскивает, нам они не попадают. Он нас объедает». Вот так — повар объедал чекистов. И Артузов просил маму: «Мы знаем вас как честного человека. Хотим, чтобы вы навели порядок, чтобы бригада поваров знала, что вы не воруете». И мама согласилась: «Пойду. Но с одним условием. Получаю два честных пайка каждый день. Уношу и семью кормлю». Артузов обрадовался: «Согласен». И доложил Генриху Ягоде, который тогда был управляющим делами и всем хозяйством ведал. Мама проработала там некоторое время. И я носил оттуда ее сумки. Приходил в назначенное время и домой с двумя бидончиками с супом и с кашей.

Когда мама возвращалась домой, жаловалась: «Повар точил длинный нож и смотрел на меня так... Боюсь, зарежет». Повара потом убрали.

А мама допустила ошибку. Случайно натолкнулась в коридорах Лубянки на голодного доходягу. Пожалела, достала ему из сумки кусок хлеба. Охрана сразу же заметила,

моментально доложила коменданту, тот к Артузову, а он в командировке. И комендант пожаловался его заму. И мою маму тут же посадили. Суровы были нравы и времена.

Пошли выяснения. Маме поверили, что никакого злого умысла не было, дала горбушку только из жалости. Приехал Артузов, быстренько маму освободил. Но дней пять она в тюрьме просидела. Вот вам деталь, пусть к делу и не относящаяся.

Это говорит о том, что Артузов очень доверительно относился и к моей матери, и к моему отцу. У меня сохранилась характеристика, данная Артузовым моему отцу при вступлении в персональное пенсионерство. Очень хорошая характеристика. И я с ним запросто: ведь я же его крестник. Если он хотел меня обязательно впихнуть в операцию «Трест», то, как вы думаете, как он ко мне относился? К молодому человеку, которого он знал как себя.

А Опперпута упустили, по-моему, в марте. Он вернулся в СССР нелегально. Тут уж он меж двух огней. Кутепов послал в Москву и Питер сразу несколько групп террористов: террор и только террор. Если бы вздумал вдруг Опперпут играть в двойную игру, та же Захарченко и ее муж моментально прихлопнули бы. Все, кто к нам пробрался, находились где-то рядом, все были готовы взрывать, нападать, убивать. И посыпали тогда, в 1927-м, эти удары.

От Опперпута и его группы хотел Кутепов быстрого теракта. Их взрыв на Лубянке должен был дать сигнал остальным диверсантам: начинайте. Мог Опперпут в Москве сразу же на кого-то напороться. А что, террористом быть легко? Да еще известному нескольким чекистам. Ему приказали, он выполнял.

Взрыва не получилось. В Москве Опперпут и Захарченко-Шульц еле ушли от погони, и стали они и молодой офицер Петерс прорываться на Запад. Чувствуют, что втроем бежать трудно. Решили: Опперпут должен оторваться и пойти своим путем, Петерс — останется с Захарченко. Но потом и они разошлись. И каждый из них попал в окружение, не дойдя до границы. Прошли они не так далеко, окружили их за Смоленском. Захарченко застрелилась. Опперпут крикнул «сдаюсь». Но обстановка создалась такая, что попал он под пулю. О судьбе Петерса точно не скажу. Кажется, тоже был убит. Радкевич бежал. Но когда его уже за городом, в Подмосковье, взяли в кольцо, он застрелился.

После гибели Захарченко в июне 1927-го эмиграция превозносила Марию Владиславовну как героиню, муче-

ницу, непонятно за что убитую большевиками. А та — жестокая террористка и бездушная женщина. Приходилось ли, как поговаривали, племянницей главе РОВСа Кутепову, точно не скажу, может и сплетня. Но дамой была известной. Офицер старой армии, участница Первой мировой войны. Да такая, что солдаты на нее смотрели снизу вверх, удивлялись, до чего смелая. А в Гражданскую, как рассказывали, расстреливала из пулемета пленных красноармейцев.

В телевизионном сериале «Операция «Трест»» Марию Захарченко сыграла Людмила Касаткина. И сыграла плохо — показала истеричной щепетильной дамочкой. А она — железная женщина, несмотря на свой малый рост и хрупкую комплекцию.

Считается, что операция «Трест» закончилась в 1927 году. Но террористические группы переходили границу до 1929-го. Наносили урон, их ловили. Бессмысленные взрывы, жертвы... Я тогда был уже в шестом отделении и работал по борьбе с терроризмом в слившихся воедино контрразведывательном и особом отделах.

Отзвуки операции «Трест» докатились до 1930-го, когда сотрудники ОГПУ похитили в Париже руководителя Русского общевойскового союза — РОВС — генерала Кутепова. Да, заманили в ловушку — и на наш корабль. Это — правда. Но его не убивали. Умер сам на корабле уже на подступах к советским берегам. Руководство было очень недовольно: прохлопали руководителя по существу всей военной эмиграции, и какие же вы ему условия создали, если случился сердечный приступ...

Но сколько Кутепову уже было? Сорок семь и какие переживания. Его, генерала, еще до этого похищения так обманули. Как мальчишку водили за нос, заставив поверить в «Трест». Тут есть от чего разболеться измученному сердцу.

Потом через пять лет, уже при Ежове, похитили его премника генерала Миллера. Это совершенно другая история. Его привезли живым. Шло следствие. Суд был военно-полевой. Он был, конечно, расстрелян. А вы что думали: такой деятель, враг, и его помилуют?

А окончательную точку поставили уже во время Великой Отечественной войны. История длинная. Во время первых же террористических атак РОВСа в 1927 году белый офицер Ларионов взорвал бомбу в здании партийного клуба Ленинграда. Люди собрались на лекцию о классической литературе: один убит, двое ранены тяжело, у двадцати

трех легкие раны. И Ларионов, один из тех немногих, кто ускользнул. Наверняка перешел границу и из нашего поля зрения выпал. Но через несколько лет имя это стало проходить по другим делам. Значит, жив. Выясняется, что спелся с фашистами. В 1941 году служил он, уже кровью повязанный, в гитлеровской армии. Потом у изменника Власова. И никак не могли на него выйти.

И тут есть две версии. По одной — попал Ларионов в плен. Поняли, кто он. Судили как предателя, террориста, убивавшего своих еще в 1927-м, и расстреляли его. Версия вторая. Из плена каким-то образом улизнул. Подался к американцам и работал на них до самой старости, до последнего дня. Скончался в Мюнхене в 91 год в конце 1980-х. Какая версия верна — утверждать не берусь. Ни одного документального подтверждения найти не смог.

Вот здесь, думаю, и закончился «Трест».

Как погиб знаменитый террорист Борис Савинков...

Бориса Савинкова мы заманили в СССР в августе 1924-го и арестовали в Минске. Верховный суд приговорил его к расстрелу, который заменили на десять лет. И Савинков покончил с собой. Произошло все прямо на Лубянке на пятом этаже в кабинете заместителя начальника контрразведывательного управления Романа Пиляра, между прочим, урожденного немецкого барона Ромуальда Пилляра фон Пильхау. Не знаю, как он пришел в революцию. Может, через своего двоюродного дядю Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Моя комната на пятом этаже выходила прямо на Лубянскую площадь, а кабинет Пиляра — во двор, во внутреннюю часть. Была раньше в помещении дверь на балкон. Дверь заделали, и подоконник соорудили низенький. Так, приступочка сантиметров семьдесят.

Я это знаю точно, мы с моим другом Гришей Сыроежкиным сидели в одном кабинете, стол к столу, и он уже на следующий день с перекошенным лицом рассказывал, как все это произошло: Савинков в нервном состоянии ходил и ходил по кабинету. Подошел к окну, глянул вниз и пошел, пошел. А Гриша сидел в кресле рядом. Сразу кинулся к нему. Сыроежкин — бывший профессиональный борец, одна рука слабая, в схватке поврежденная. Ему бы схватить Савинкова здоровой рукой. Не получилось. Ему кричат: «Гришка, ты сам туда улетишь». А он держал, но вы-

скользнул Савинков. Не смог удержать. Или лети на смерть с ним вместе.

Было действительно два акта о самоубийстве. В первом — об обнаружении в крови самоубийцы спиртного. И второй — никакого спиртного нет. И о первом акте не говорили, замолчали. Конечно, Савинков был подшофе. При вскрытии нашли в нем чуть не литр алкоголя. Перед этим его возили, и не в первый раз, в ресторан, сидели, выпивали. О самоубийстве Савинкова сразу все сотрудники узнали. Товарищи же, никуда не скроешься.

При Ежове Сыроежкина посадили в тюрьму и выкололи из него показание, что он толкнул Савинкова во двор из окна. Вы подумайте! И он подписал это: сознательно выкинул. Я читаю показания и за голову хватаюсь. Это же ужас. Сыроежкина расстреляли. Да, он был боевиком. Первый орден получил еще при мне. Сражался в Испании и получил за это второй орден. Вернулся домой, и в 1938 году арестован. А расстреляли его в 1939-м за участие «в антисоветском заговоре НКВД», а чтобы этого дурацкого обвинения не показалось мало, еще и за «связь с врагами народа». Утром осудили, вечером — пустили ему пулю в лоб.

А жена Савинкова несмотря ни на что выжила. Была она выслана в далекие сибирские края. Прекрасно знала языки и, изменив фамилию, хорошо, конечно по местным представлениям, устроилась. После ссылки ей разрешили жить в Симферополе. И работала она переводчицей. Ее нашел писатель Василий Ардаматский, он как раз трудился над книгой «Возмездие» о Савинкове и его провале. Приехал в Крым в командировку, а кто-то, знавший круг интересов моего доброго знакомого Василия Ивановича, его ошарашил: а вы знаете, в нашем городе живет жена вашего главного персонажа, только фамилию изменила. И они встретились.

Вообще Ардаматскому везло. В Лондоне общался с Локкартом — английским шпионом, работавшим в первые годы советской власти под прикрытием дипломата. Представляете? Это же еще в СССР, когда на такие контакты смотрели строго.

Сидней Рейли: расстрел в Сокольниках

Сиднея Рейли обработал руководитель фиктивного «Треста» Александр Александрович Якушев. Тот — опытный разведчик, лис. А бывший статский советник Яку-

шев в этой игре — новичок. Но получил специальное задание: завлечь Рейли в СССР.

Его в ЧК напутствовали Артузов и Стырна: «Александр Александрович, вы понимаете, какое это дело? Все зависит от вас. Предстоит вам большая задача — заманить в СССР Сиднея Рейли. Нельзя не перегнуть, но нельзя и недоработать. Это ас разведки. Мы не говорим вам — добиться любой ценой. Вы сами сумеете сделать так, чтобы все было абсолютно правдоподобно, аргументированно».

А статский советник Якушев так вник и освоил нашу работу, что уже сделался чекистом, думал, как обрабатывать этих людей вместе с Артузовым. Оказался он величайшим артистом. В фильме «Операция “Трест”» я, между прочим, был его научным консультантом, Якушева играет прекрасный артист Горбачев. Так вот, Якушев в актерском мастерстве ему не уступал. Якушев встречался с Кутеповым, был на randevу у великого князя Николая Николаевича, возглавлявшего всю эмиграцию. У Врангеля был. И всех провел! Лишь один бывший чин из белой контрразведки не выразил ему особого доверия. Врангель тоже отнесся слегка скептически. Остальные — стали после этих личных встреч доверять. Особенно Кутепов. Был он очень в «Тресте» заинтересован. Якушев ему предложил то интереснейшее дело, в которое он хотел поверить. И поверил. Хотя тот самый контрразведчик ему осторожно подсказывал, что «дело подмоченное». Но психология сыграла свое. Кутепов мечтал о возвращении, а тут ему открывают такие перспективы. Отказаться трудно.

Якушеву в той командировке в Выборг повезло. Захарченко — в тяжелом гриппе, с ее мужем тоже что-то такое. Но был представитель белого генерала Кутепова в Выборге Бунаков. И еще до приезда Якушева Бунаков обрабатывал Рейли: надо поехать, увидеть все своими глазами. Тот отказывался. Как раз в эти дни он должен был отправиться в Америку, там дела, уже и билеты на пароход в кармане, вернуться и тогда — к вам. Какое «к нам»: происходило все это осенью, зимой перейти границу даже через хорошо подготовленное и не раз проверенное окно сложно.

И как раз в этот момент прибывает в Выборг Якушев. События развиваются с быстротой молниеносной. 25 сентября устраивается встреча с Рейли. Тот доволен: специально ради него выбрался из Страны Советов руководитель крупной подпольной организации. Не могло не польстить. Обсуждаются вопросы чрезвычайной важности. Рейли

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru